

▲▲ПРОЛОГ

На пороге стояла женщина, совершенно неуместная здесь, в городе срединного яруса. Как будто яркая, экзотическая птичка случайно залетела в темную и мрачную пещеру, и теперь недоуменно крутила головкой, соображая – как же я, такая пестрая, с изумрудными крылышками – и в такой липкой, промозглой темени?

Наверное, она откуда-нибудь со светлой стороны этого мира, успела подумать Леона. Возможно, даже бывает при дворе...

Птичка шмыгнула покрасневшим аристократическим носиком, еще раз смерила Леону удивленным взглядом и спросила:

– Вы... некромант?

Леона вздохнула. Стоило бы, конечно, отправить эту дамочку восвояси, потому что – как показывала практика – все они приходили сюда только с одной целью. Но деньги были нужны. Чтобы исчезнуть и не отсвечивать на светлых ярусах, как изволил выразиться муж, и чтобы при этом достойно жить в Середине. Поэтому Леона шагнула в сторону, пропуская гостью внутрь, и ответила:

– У вас верные сведения, льесса. Проходите.

Леона шла первой. Ей не нужно было оглядываться, чтобы представить выражение лица незваной гостьи. Сколько их здесь побывало? Несколько десятков, точно, таких вот ярких птичек. Все морщили носики, презрительно рассматривали убогую обстановку мансарды, и наверняка задавались вопросом – почему при таких-то расценках на свои услуги льесса некромант не переедет куда-нибудь повыше, где солнце бывает чаще, где по осени цветут яркие хризантемы, а весной первая зелень расцвечена алыми тюльпанами. Мысленно Леона соглашалась с ними, что – да, пожалуй, она могла бы переехать. Могла бы даже туда, где раскинулись личные владения Вечной королевы, но... Ей очень хорошо объяснили, что женщине с таким даром совершенно нечего делать рядом с приличными людьми вроде маркиза Риквейла. Так хорошо, что до сих пор на погоду ныли когда-то ломаные ребра. Именно поэтому Леона предпочитала сидеть на ярусе, где солнце бывает от силы три часа в день, и все продукты везут сверху, потому что здесь ничего не растет.

Лучше так, чем потом ее найдут в канаве с перерезанным горлом.

Леона вошла в комнату, отгороженную от прочего пространства мансарды фанерной стеной. Здесь у нее была то ли гостиная, то ли рабочий кабинет – в общем, именно здесь она принимала всех, кому требовались услуги некроманта. Оглянувшись на гостью, Леона заметила сморщенный носик и все те же недоумевающие взгляды: женщина разглядывала простенькие обои, несколько аляповатых картинок, которые Леона развесила по стенам только оттого, что напоминали они о светлых ярусах, где все имеет цвет. Леона села за стол, положила перед собой руки.

– Присаживайтесь, не стойте. Как вас зовут?

В гостиной горела пара газовых фонарей, было сумрачно – но все же лучше, чем на улице.

Снаружи все блекло, сыро, ночь или сумерки, и только по утрам и вечерам, когда солнце обходит ярусы по срезу, косые лучи света скользят, торопливо выхватывая из сумрака темные кирпичные стены, пыль на дорогах, жалкую растительность, что скудными пучками пробивается то тут, то там.

Женщина-птичка растерянно заморгала. Было видно, что ей очень не хочется говорить свое имя – и это было понятно. Да и самой Леоне было плевать, как зовут эту льессу. Просто... надо же как-то обращаться к человеку?

– Феломена, – наконец отважилась посетительница. Затем достала кружевной платочек, богато вышитый по краю и демонстративно промокнула уголки глаз. Глаза, кстати, Леоне понравились. Были они яркие, синие, и в них плескались отблески света и даже намек на некую внутреннюю чистоту, что нынче вообще редкость.

– Вы... правда некромант? – несмело уточнила Феломена. Оглядела кабинет и с легкой ноткой недоумения добавила, – такая крошечная квартирка...

– А вы ожидали, что некроманты живут во дворцах? – Леона хмыкнула. Все-таки свет в глазах еще не гарантировал наличия мозгов и такта.

– Нет, нет... простите, – Феломена смущенно потупилась, – мне дала ваш адрес аббатиса Керво.

– Какое у вас дело?

Тут Феломена принялась рыться в маленькой дамской сумочке, из нежного голубого бархата, с

▲кружевом. Пришла она в плаще, но теперь было видно, что под грубой серой тканью – дорогое платье, тоже голубое, и по корсажу белые бантики и жемчужное шитье, перемежаемое изящными мотивами из золотой канители. Леона усмехнулась. Прошло несколько лет с того момента, как она щеголяла подобными нарядами при дворе, а надо же, до сих пор цепляет. Но если так одеваться в Середине, будут косо смотреть, а то еще и ограбят. Там, где почти не бывает солнца, не любят таких вот веселых и пестрых птичек... В том, что Феломена – аристократка до мозга костей, сомнений почти не осталось. Красивое личико, руки, никогда не знавшие работы, кружева и бархат. Интересно, она знакома с маркизом Риквейлом?

– Вот, – наконец Феломена извлекла из сумочки старую курительную трубку и положила ее на край стола, – видите ли, в чем дело... Мой свекор на днях скончался.

– И-и-и? – Леона откинулась на спинку стула. Все то же. Ничего новенького. Скучота.

– Он ненавидел меня, – с отчаянием в голосе мякнула Феломена и некрасиво скривилась, – он... из-за того, что Филипп на мне женился... он грозился лишить его наследства. Однако, завещание так и не составил. А Филипп... он знал, что у отца в сейфе были фамильные драгоценности. Сейф вскрыли, а там – пусто.

Разволновавшись, Феломена покраснела, начала отчаянно жестикулировать. Ее тщательно завитые каштановые локоны, свисающие по бокам от лица, словно уши спаниеля, забавно болтались из стороны в сторону.

– Двести королевских крон, – сказала Леона.

– Хорошо, – мгновенно согласилась Феломена, – нам нужно узнать, куда делись драгоценности.

– Вы это узнаете, – кивнула Леона, – половину суммы вперед.

Глядя, как алчно заблестели глаза Феломены, Леона думала о том, что, возможно, вся эта история – сплошное вранье. И, возможно, дела обстояли совсем не так, как это представила несчастная невестка. Возможно, свекор припрятал сокровища от сыночка, который мог все спустить за вечер, проведенный за картежным столом. Или даже сама Феломена никакая не невестка, а, допустим, любовница умершего, и хочет просто урвать кусок пожирнее. Но теперь это уже не имело значения.

Щурясь на блестящие в свете газового фонаря монеты, Леона прикидывала, откуда будет
сподручнее отправиться в меморум, чтобы выловить отпечаток умершего свекра и
таким образом
узнать судьбу сокровищ.

Вдруг Феломена как будто насторожилась. Глянула подозрительно, прикусила губу.

– А как вы гарантируете то, что я узнаю правду? Что не вы заберете себе драгоценности?

– Через три дня, – сказала Леона, – вы придете сюда еще раз. Сами спросите у
вашего почившего
родственника, где он припрятал драгоценности.

И, наслаждаясь видом вытаращенных глаз и приоткрытого рта, добавила:

– Его отпечаток будет вот в такой колбе, – постучала ногтем по тонкому стеклу, –
я его даже
касаться не буду. Если б я собирала на себе все гадости ушедших, то уже бы сошла
с ума.

▲ ГЛАВА 1. Леди некромант

...Последнее было чистой правдой. Если случайно поймать на незащищенную кожу
чей-нибудь
отпечаток – один из тех, что свободно плавают в меморуме, он впитается, сольется
с твоей
памятью, и гадкие сны на ближайший месяц обеспечены. Все это не смертельно, с
течением
времени отпечатки рассыпаются, растворяются, как сахар в кипятке, и все то, что
составляло
память умершего, перемешивается с памятью всех предыдущих поколений и становится
нечитаемым. Так перегнивают опавшие листья. Так все то, что когда-то
принадлежало жившим,
уходит в прошлое.

Феломена давно удалилась, пискнув напоследок, что очень надеется, рассчитывает,
да и вообще,
некромант – это последняя надежда. К подобным вещам быстро привыкаешь, и Леона
пропускала
мимо ушей все эти причитания. Аккуратно приоткрыв плотные шторы, она проследила
за тем, как к
вышедшей из подъезда аристократке присоединился темный мужской силуэт, они
помедлили, о
чем-то переговариваясь, а затем растворились в липких густых сумерках
серединного яруса. Леона
выдохнула с облегчением. Ей все казалось, что ее муж кого-нибудь подошлет, чтобы
на самом деле
избавиться от неудобной жены. Но нет. Пока все было спокойно. Сколько продлится
этот мертвый
штиль, Леона не знала.

Вернувшись в гостиную, она снова села за стол, потом аккуратно, через бумажную
салфетку, взяла

трубку и подвинула ее к себе. Плохо, что Феломена хватала ее руками, а до Феломены, небось, еще и ее муж или любовник. Чем больше людей касается предмета, тем тяжелее настраивать компас и, соответственно, труднее разыскать нужный отпечаток.

Леона прикрыла глаза. В голову снова лезли совершенно ненужные мысли – о том, что был бы маркиз Риквейл нормальным человеком, они бы поладили, и жили бы припеваючи неподалеку от дворца Вечной королевы. Там, где солнце встает и заходит, и светит весь день. Там, где много зелени, и где можно без опаски прогуливаться по парку, вдыхать ароматы травы, чувствовать свежесть родника, слушать, как перекликаются в кустах птицы... О том, что, возможно, она сама во всем виновата, потому что не нужно было выходить замуж за этого человека. Но замуж хотелось. Она была так юна и наивна, а Риквейл так красиво ухаживал. Их брак, конечно, многие сочли мезальянсом, потому что Леона была последней из захудалого рода Кьеннов, но самому Риквейлу было плевать на любые досужие разговоры, кроме... кроме того, что молодая жена окажется дипломированным некромантом. Скрыла. Зная перед свадьбой о невероятной чистоте крови Риквейлов от какой-либо магии, но все равно скрыла. Сама виновата.

Так больно было думать обо всем этом, даже теперь. Но маркиз был красивым и молодым, и Леоне так льстило его внимание, что она убедилась в том, что влюблена. Их хрустальная сказка разбилась через три года после брака, когда Риквейл по чистой случайности нашел старую переписку жены с наставником, известным на Королевском ярусе мэтром некромантии. И – хвала Небесам, что у них так и не случился ребеночек, потому что, будь это так, Леона вообще не представляла бы себе, как жить дальше.

Ну вот. Еще чуть-чуть, и она расплечется. Не хватало еще слезами накапать в идеально уравновешенную октаграмму заклинания, начерченную цветными мелками прямо на столешнице. Там и одной слезинки хватит, чтобы все испортить.

Затаив дыхание, Леона мерной трубочкой капнула в вершины октаграммы положенные в таком случае ингредиенты: настойку на сушеных лапках летучей мыши, концентрированный уксус, розмариновое масло. Затем поводила над октаграммой ладонью, с пальцев срывались невесомые частицы Силы, туманом оседали на линиях начерченной фигуры. Октаграмма начала неторопливо и

словно бы неохотно наливаясь тьмой: линии, оставленные цветными мелками, поблекли, затем и вовсе пропали, чтобы через несколько мгновений сверкнуть аспидной чернотой поверх ореховой столешницы.

– Так, прекрасно, – пробормотала Леона.

Иногда, создавая заклинания, она разговаривала сама с собой, потому что хотелось разбить стеклянную тишину и пустоту квартиры.

Стараясь не делать лишних движений, чтобы, упаси боже, не нарушить равновесие активированных ингредиентов, Леона взяла в руки компас и поднесла его к центру октаграммы, туда, где покоилась старая и потертая курительная трубка. Над октаграммой начал собираться серый, с перламутровым отливом, туман, и он же, поднимаясь легким облачком, окутал компас.

Компас был старым, испытанным и принадлежал наставнику. Он мало походил на компас, которым пользуются мореходы. Простая стеклянная полусфера на латунной подложке, никаких стрелок.

"Возьми, деточка, на память. Ни разу меня не подводил, и тебе будет служить исправно", – вот что сказал Леоне старый наставник, когда она, получив диплом, возвращалась домой. ♠Леона уже и не знала, жив ли он, ее дорогой мэтр Флорье.

Но – в одном старик оказался прав. Компас не подвел еще ни разу.

Туман, окутавший компас, сделался густым, словно дым от подгоревшего на сковородке кушанья. Руки наливались тяжестью, начинали подрагивать, и Леона стиснула зубы: нельзя, совсем нельзя шевелиться, иначе все насмарку и придется начинать сначала.

П-ф-ф-ф-ф. С легким вздохом туман втянулся под стеклянную полусферу и за клубился уже там. Иной раз казалось, что внутри то и дело поблескивают крошечные молнии, как будто там, под толстой линзой, собрались грозовые тучи.

Леона откинулась на спинку стула и поставила перед собой наполненный компас.

Завтра утром... она отправится в меморум. Завтра. Не потому, что слишком устала сегодня, а потому, что за годы, проведенные в одиночестве на серединном ярусе, привыкла делать все последовательно и не торопясь.

Ее всегда будил рассвет.

Солнце, выкатываясь из Тени, медленно поднимается вверх, словно просматривая все ярусы, все пласты нависших друг над другом земель. До того, как воцарится над верхним, королевским ярусом, мельком и с пренебрежением взглянет на каждый из них. И вот этот скользкий взгляд дневного светила обязательно попадет прямо в окно спальни Леоны, бесцеремонно сверкнет прямо в закрытые веки, а затем поползет дальше, в угол спальни, чтобы через полтора часа погаснуть, затерявшись среди верхних ярусов.

Леона сжалась в комок под одеялом. Всю ночь снилось что-то тяжелое и кровавое. Ей казалось, что она убегает от чудовища, и ноги вязнут в зыбучих песках. И, сколько не оглядывайся, не видно его. Только страшная ломаная тень, в которой клубится багровая тьма.

Почему так холодно? Дрова в камине только-только прогорели, угли алеют сквозь белесую завесу пепла. Одеяло толстое, пуховое. Перина, опять-таки. И все равно она мерзнет каждую ночь. То ли не хватает мужчины в постели, то ли те, кто родился наверху, просто не переносят Середину. Страшно даже подумать, что творится в самом низу, там, куда и солнце-то не заглядывает, и неба не видать – а только изнанки нависших сверху других ярусов.

Вздыхнув, Леона выбралась из-под одеяла, сунула ноги в растоптанные мягкие туфли и побрела умываться. Она спила в толстых шерстяных носках, которые можно натянуть до самых коленок, а все равно мерзла. Дрянь эти серединные ярусы, как есть – дрянь.

Некромант зарабатывает достаточно, чтобы если не жить, то хотя бы существовать достойно. Леона в память о былых прекрасных днях обустроила себе ванную комнату. Это оказалось непросто, но она справилась, заплатив втридорога нанятым строителям. И вот теперь могла насладиться и теплой водой из латунного крана, и фаянсовым умывальником, и даже такой роскошью, как унитаз.

Поставив свечу на полочку рядом с умывальником, Леона покрутила вентиль и несколько минут просто держала ладони под струей теплой воды. Определенно, она никогда не привыкнет к сумрачной Середине. Руки мерзнут, ноги. Да и вся она... Постоянная темень словно выпивает тепло.

Из плохонького зеркала на Леону уныло смотрела блондинка. Леона, не сдержавшись, фыркнула. От жизни в потемках в ней самой даже красок стало как будто меньше. Раньше – чудесные светлые

волосы с золотистым отливом, теперь – невнятная солома из-под чепца. Губы сочные, яркие были. Превратились в скорбно сжатые бледные полоски, да еще и морщинки в уголках рта. Цветом глаз, редким оттенком морской волны, восхищался ее бывший муж, маркиз Риквейл. Называл их "парой самых лучших изумрудов". Глаза потемнели и одновременно поблекли. И под ними теперь вечные синяки, как от недосыпа. В общем, тот еще вид. Хотя, может быть, она сама виновата. Сама запустила себя. Красотой нужно заниматься... а для кого? Здесь, в Середине, все тусклые, одинаковые, и мужчины, и женщины, и никому не интересно, как ты выглядишь, все только и думают, как бы заработать, да отправиться куда-нибудь ближе к солнцу. Только вот не понимают, что там их тоже никто не ждет.

Леона, хмурясь своему отражению, быстро умылась и вышла. Наверное, ей тоже надо собрать денег и уехать куда-нибудь повыше. Но вот беда: драгоценный супруг дал понять, что в ее же интересах больше никогда не появляться там, где ее могли узнать.

"Я бы тебя убил, да жаль", – вот что он ей сказал. Милосердная сволочь.

И Леона исчезла. И поэтому до сих пор жива.

Так, размышляя понемногу о том, о сем, Леона одевалась. Сегодня ей предстоял поход в меморум, и поэтому одежда тоже должна была быть соответствующей: рубашка с длинным рукавом, мужские куртка и штаны, свободные, чтобы не сковывали движений. Удобные башмаки. Перчатки. Шею – а потом и голову – обмотать платком, да так, чтобы никакой бесхозный отпечаток не забился за шиворот...

В небольшую поясную сумку Леона сложила флягу с водой, заряженный компас и колбы с пробками. В карман штанов – миниатюрный фонарик, купленный у одного пироманта еще на королевском ярусе. И обязательно – регенерирующий перстень, тяжелый и массивный. Его делали явно на мужскую руку, на Леоне он болтался – и поэтому она его носила на большом пальце.

Вот и все. Можно было выходить. Подумав немного, Леона все-таки прихватила в карман несколько мелких монеток. Еды у нее не водилось, а лезть в меморум на голодный желудок тоже не слишком хотелось.

Когда Леона впервые сошла на мостовую Люция с откидной лестницы дилижанса,

первой ее
мыслью было – да как здесь жить-то можно? Даже крылатые плантосы, что тащили
дилижанс,
аккуратно пролетая сквозь расщелины между парящими землями, всем своим видом
показывали,
как им не нравится без света. Плантосы ежились, закрывались крыльями и выпускали
сквозь
темную влажную кору толстые шипы. Им было совершенно непривычно без солнца, без
нормального неба над головой. А сам город словно в насмешку был назван Люцием:
кажется, здесь
повсюду клубилась тьма. Газовые фонари, что зажигают днем и ночью, лишь делали
мрак гуще. Он
казался ощутимым, лип к коже мерзкими железястыми языками. Леона тогда задрала
голову в
попытке выхватить хотя бы клочок привычного неба... И взгляд уперся в черноту,
лишь далеко, у
горизонта, подсвеченную золотистым. Прямо над Люцием вольготно расположилось
жирное брюхо
верхнего яруса, и Леоне даже показалось, что она может рассмотреть беспомощно
свисающие
корни деревьев, которые угораздило пробраться сквозь толщу грунта и вылезти с
изнанки той
земли, на которой деревья росли. Все это сентиментальная чепуха, конечно же. Но,
ступив на
мостовую Люция, она в самом деле не понимала, как здесь возможно само
существование людей.

Потом оказалось, что ко всему можно привыкнуть. И что на срединных ярусах тоже
живут вполне
себе обычные люди – не такие, конечно, богатые, и вовсе не такие красивые, как
на верхнем,
королевском ярусе, но все же. Неподалеку от Люция оказалась действующая шахта,
где добывали
сапфиры. Поэтому и город был совсем небедным, и продукты сюда привозили не самые
плохие. Ну а
то, что солнце лишь утром и вечером – к этому как-то постепенно привыкаешь.
Тяжело, болезненно
– но привыкаешь...

Леона шагала по мостовой. Мимо двухэтажных домов из темного кирпича, притиснутых
друг к
другу так плотно, что порой между стенами и руки не просунуть. Мимо фонарных
столбов и
фонарщиков-пиромантов. Тусклое свечение газа в закопченных стеклянных колбах
едва-едва
освещало улицу. Дело шло к полудню. И в полдень в Люции было особенно темно,
потому что
солнце находилось в это время как раз над верхним ярусом и дарило свет и тепло
тем
счастливчикам, кто мог себе позволить жить наверху.

Шла она к знакомому пустырю. Там недавно снесли ветхий дом, новый возводить
никто не
торопился, и потому за плотным забором получился изрядный кусок замусоренной

земли, с которой, как ни крути, гораздо удобнее нырять в меморум – и соседи хозяйке не нажалуются, и подглядывать будут разве что крысы. Особенно Леону радовало отсутствие зевак и вообще желающих приобщиться к современной некромантии. Не то, чтобы в Люции ненавидели некромантов – да, наверное, сложно найти того, кто бы ненавидел их больше, чем ее бывший муж – но всегда оставалось нездоровое любопытство и твердое убеждение в том, что некромант – это непременно хмурый мужик, который выкапывает разлагающиеся тела и заставляет их выполнять какие-то немудреные задания.

Разумеется, и такие некроманты были.

Но современная некромантия уже давно не рассматривала телесное в качестве объекта исследований. Последние пятьдесят лет, если не больше, в академических кругах стало модным работать с бестелесным, а именно – с отпечатками умерших, хранящими воспоминания, собранные при жизни и составляющие сущность человека. Единственным неприятным и опасным занятием для некроманта оставались походы в меморум, но тут уж ничего не поделаешь.

Примерно на пол-пути к цели своего похода Леона остановилась перед булочной. Пощупала сквозь ткань взятые монетки, а затем вошла. Весело звякнул колокольчик, Леона с наслаждением потянула носом – пахло свежайшей выпечкой, корицей, лимонной цедрой. На витрине красовались ватрушки, маленькие пирожки и очень большие, круглые пироги. Пышные хлеба, длинные багеты, пухлые крендели, присыпанные дроблеными солеными орешками.

Уютно здесь было, гораздо приятнее, чем снаружи. И казалось даже, что газовые фонари здесь светят куда веселее и ярче. ▲ Тем временем из смежной комнаты выплыла румяная девушка, огненно-рыжая, с толстыми косичками, уложенными в бублики по бокам. У нее была бледная кожа, большие, чуть навывкате, голубые глаза и курносый нос пуговкой. Губы улыбались – впрочем, как и всегда. И еще, девушка эта – так уж получилось – была единственной настоящей подругой Леоны в этом темном городе.

– А, это ты, – улыбка Златы сделалась еще шире, превращаясь из дежурной в настоящую, радостную, – что будешь? Я только кофе сварила.

– Буду, – Леона решительно оперлась локтями о край витрины, осторожно, чтобы не задеть

румяный бок пирога с мясом, – кофе буду. И пирожок с лимонным желе буду. И с вишней.

Она покопалась в кармане, выудила деньги и звякнула ими о керамическую тарелочку, которая именно для этой цели и стояла на витрине.

Злата окинула Леону беглым взглядом, покачала головой:

– Ты опять... туда собралась?

– А что делать, – Леона усмехнулась, – город дорогой здесь. Хочешь жить хорошо – еще и не туда полезешь.

Злата давно знала о том, чем именно занимается Леона Кьенн, но – удивительно дело, – слово "некромант" ее не испугало. Наоборот, она то и дело просила, чтоб Леона за чашкой кофе рассказала о каком-нибудь интересном случае из практики. И Леона решила, что Злата с превеликим удовольствием поменялась бы с ней местами. Но вся беда в том, что родители Златы были пекарями, и у самой Златы не было магии в крови, поэтому выбора у нее особенно и не оказалось. Пеки себе да торгуй булками. А Злате наверняка хотелось чего-нибудь этакого, полететь на другие ярусы, вырастить своего плантоса, спуститься на нем в самую Тень... Да мало ли каких приключений можно себе вообразить. Но – такова жизнь. Стой себе, торгуй сдобой.

Злата вынесла круглобокую кружку, всю в разводах синей глазури, и в булочной запахло еще лучше. Леона обхватила керамические бока пальцами, наслаждаясь теплом, вдыхая аромат дорогого кофе. Тем временем Злата положила на тарелку два пирожка, с лимонным желе и вишней, а сама увелась на стул, подперла круглый подбородок ладонью.

– Кого теперь ловить собралась?

– Какого-то старика, который спрятал от родни сокровища, – Леона откусила пирожок и даже зажмурилась от удовольствия, – Златушка, ты – богиня.

– Да что там, – подруга махнула рукой, – расскажи лучше, что тебе принесли, чтоб ты нашла... ну это...

– Отпечаток. Курительную трубку мне принесли.

– Как-то даже неинтересно, – вздохнула Злата.

Леона согласилась. Да, как-то скучно. Вот в прошлый раз ей приносили панталоны

утонувшей герцогини, которая очень хорошо запрятала завещание, а так как была довольно стара, то и забыла, куда запрятала. А еще ей приносили накладные ягодицы, дырявый носок и дневник куртизанки. Да чего только не приносили... Тут Леона поймала себя на мысли, что она могла бы основать свою школу некромантии, собрать учеников и совершенствоваться в магических изысканиях. Вот было бы здорово. Но тут же одернула себя. Школа – это всегда подразумевает публичность. А ее супруг... Был очень настойчив, когда просил исчезнуть. Очень настойчив, до сих пор ребра побаливают.

– Какая-то ты бледная, – сказала Злата, – тебе бы мужчину надо. Ко мне льес Торн захаживает.

Между прочим, младший сын какого-то там виконта. Сюда приехал заниматься добычей сапфиров.

Хочешь, познакомлю?

– Зачем? – Леона устало отмахнулась, – одни проблемы от всех этих виконтов.

– Ты могла бы выйти замуж, – заметила Злата.

О том, что она и без того замужем, и что развестись не велит храмовое уложение о браке, Леона предпочитала помалкивать. А потому поморщилась.

– Замуж... Это ж начнется... Дети, сопли, пеленки. Не хочу.

Ложь далась очень легко.

На самом деле ей очень хотелось и детей, и даже сопливых детей, и пеленок. Но – не задалось. И

▲вряд ли что получится... Может, конечно, это и маркиз был виноват в том, что у них так никто и не

родился. Она ничего не знала о существовании бастардов. А может быть – как говаривали – у

магов с этим все сложнее. Может случиться так, что некроманту непременно подавай мага жизни.

А где его найдешь, когда они так редки? Не объявление же вешать, в конце концов.

– Ну, я пойду, – пробормотала Леона, – деньги любят, когда их зарабатывают.

– Иди, – согласилась подруга, – но что-то ты мне сегодня не нравишься.

Постарайся вернуться.

– Постараюсь.

Снова звякнул дверной колокольчик, теперь уже жалобно, и Леона опять оказалась на улице. Свет фонарей терялся в густом тумане, который привалил неведомо откуда. Она подняла воротник

мужской куртки, поправила платок и заторопилась дальше.

Пустырь был зажат меж двумя старыми домами, закопченными, с трещинами по штукатуренному фасаду. Так уж получилось, что эти двухэтажные стариканы все еще держались, а вот третьего развалили хозяева, потому что крыша провалилась, и дом дал такую трещину, что фасад попросту начал вываливаться наружу. Непонятно, что было тому виной – то ли чрезмерно мягкий грунт, то ли слабый фундамент, да уже и неважно. Лично для Леоны было важно то, что, считай, посреди города образовалось укромное местечко, мало кому интересное, и там можно было поработать.

Она без приключений добралась до высокого забора. К счастью, здесь, у пустыря, фонари не зажигали, была темень, да еще и с густым туманом. Леона огляделась, а потом быстро сдвинула в сторону доску и протиснулась внутрь. Подошвы башмаков тут же утонули в рыхлой и липкой земле, на первом же шаге она споткнулась о гнилой обломок доски. Участок все еще был завален строительным мусором, и когда его разберут – непонятно. Наверное, когда соберутся строить что-то новенькое. Леона вытащила из кармана фонарик, щелкнула переключателем, и под хрустальным колпачком засветилось заключенное туда заклинание. Фонарик давал неяркий свет, не больше, чем на два шага вперед, но этого было достаточно – чтобы не пропороть ногу старым гвоздем, чтобы не зацепиться за торчащие огрызки фундамента, и чтобы потом, перешагнув фундамент, не свалиться в яму, которая осталась после того, как содрали и увезли деревянный пол.

Так, подсвечивая себе, Леона перешагнула через камни, затем, аккуратно перепрыгивая через оставшиеся доски, добралась до расчищенной ею же ровной площадки. Поставив на землю фонарик, взяла припрятанный здесь же железный прут и принялась вычерчивать классическую декаграмму.

Чтобы попасть в меморум, не нужны были ни специальные ингредиенты, ни материализация заклинаний. Только линии, символы и личная магия некроманта. Мир мертвых и без того звал, а потому шагнуть туда, где оседает, словно опавшие листья на дно водоема, память ушедших, не составляло труда.

Когда декаграмма была завершена, Леона подобрала фонарик, сунула его в карман. Затем поправила платок, разворачивая его так, чтобы закрыть голову, часть лица и

оставить только глаза.

Протянула вперед руки и, на миг зажмурившись, сдернула в сторону покров реальности – как будто отдернула штору. В лицо повеяло холодом. Совсем не тем, что тянет по ногам, когда сидишь в нетопленной комнате, нет. Это было дыхание меморума, от которого, как по команде, в голову полезли самые черные и неприятные мысли о конечности бытия. Леона отмахнулась от них. Привыкла. А потом, уже смело глядя в образовавшееся мутное пятно, оттолкнулась двумя ногами и прыгнула – как прыгала бы в озеро, чтобы освежиться в жаркий солнечный день.

Ощущения тоже были привычными. Конечно же, для некроманта. Как будто ныряешь в остывший кисель, натужно загребаешь руками, молотишь ногами, чтобы двигаться дальше. А "плыть" в киселе тяжело, нужно раз пять взмахнуть руками, оттолкнуться ногами, чтобы продвинуться вперед хотя бы на шаг. Но, поскольку странным образом в киселе этом можно дышать, практикующему некроманту просто достаточно быть в хорошей форме и усиленно грести руками-ногами, уходя все дальше и дальше от выхода в мир живых, оставляя за собой свет путеводной нити, по которой можно вернуться обратно.

А еще у меморума была очень полезная особенность: компас, заряженный на поиск определенного отпечатка, позволял за очень короткое время перемещаться ближе к объекту поиска, и это было просто здорово – потому что в противном случае Леона могла бы месяцами болтаться в безбрежном меморуме, и все без результата.

Леона плыла сквозь вязкий меморум. Все, что было вокруг, и в самом деле походило на пруд, в который то тут, то там, падают листья и медленно, очень неспешно опускаются на дно, временами надолго подвисяя где-то посередине. Здесь даже встречалось нечто, похожее на коряги, или, скорее, на гигантские коралловые заросли – когда-то у маркиза Риквейла на столе красовались изящные веточки белых кораллов. Только тут кораллы были огромными, уродливыми и черными, да еще покрыты едва светящейся слизью, к которой иногда прилипали отпечатки – слабо мерцающие, разноцветные. Желтые, зеленые, алые, сиреневые. Этакие полупрозрачные шляпки грибов, парящие в бесцветном киселе, в котором из-за того, что все вокруг светилось – коряги, отпечатки – темно не было.

Леона достала из поясной сумки компас: под стеклом все так же клубился туман,

но, стоило его
взять в руки, как Леону сразу же рвануло куда-то вперед, потом вбок. Она
оглянулась: золотистая
путеводная нить прочертила пространство меморума зигзагом, ее начало терялось в
серой мути,
переливающейся редкими сполохами скоплений отпечатков. А компас все никак не
успокаивался:
Леоне порой казалось, что ею играют чьи-то громадные руки, и сама она –
деревянная игрушечная
лодочка, которой туда-сюда елозит по воде ребенок. Впрочем, через пару-тройку
виражей ее
отпустило: она повисла неподалеку от здоровенной коряги под толстым слоем
зеркально-блестящей
слизи. Коряга размерами была как дом, уходила обломками ветвей куда-то вниз, под
"землю" –
хотя Леона точно знала, что никакая это не земля, а просто... Растворившиеся
отпечатки тех, кто
умер давным-давно, тех, кто вообще когда-либо жил в этом мире. И вот там-то, в
сплетении черных
липких ветвей, путеводной звездой вспыхнула мелкая шляпка гриба: тот отпечаток,
который Леоне
нужно было поймать и доставить заказчице.

– Ну вас, льесс уважаемый, и занесло, – пробормотала Леона, все еще оглядывая
замершие
черные щупальца.

Лезть туда не хотелось. Но вредный отпечаток тоже не желал двигаться в сторону
Леоны, и поэтому
она, мысленно кряхтя, двинулась вперед, стараясь не касаться гигантского
коралла. Не то, чтобы он
был опасен, но вот эта слизь... Если пропитает одежду, будешь потом смотреть
воспоминаний тех,
кто жил задолго до того, как мир разломало на ярусы.

– Идите-ка сюда, льесс, – безнадежно сказала Леона, понимая, что дотянуться
колбой до
отпечатка не получается.

Отпечаток и не думал плыть навстречу. Наоборот, как будто подался еще дальше под
защиту
коряги. Леона несколько раз взмахнула рукой, разгоняя плывущие мимо отпечатки.
Еще раз
глянула на плетение черных ветвей и, вздохнув, двинулась вперед, одновременно
вытаскивая колбу,
вытягивая пробку.

– Да иди ж ты сюда, – прошипела она, вытягиваясь в струнку.

Ловкое заученное движение рукой – и сияющий отпечаток беспомощно осел на дно
колбы. Леона
хмыкнула и заткнула горлышко пробкой. Сунула колбу обратно в сумку.

А дальше... Она и сама не поняла, как так получилось. Одно неловкое движение, и

черные корявые
ветви в слизи оказались угрожающе близко от лица. Леона дернулась в сторону,
платок, которым
она плотно обмотала голову и шею, сбился набок. И – с отвратительным
причмокивающим звуком
Леона впечаталась открывшейся щекой во внезапно откуда-то взявшийся рядом
блекло-синий
отпечаток.

– Ох ты ж... Да твою ж...

Запоздало замахав руками, она разогнала еще парочку парящих рядом грибных
шляпок, кое-как
выдралась из сплетений черных ветвей. Отчего-то сердце зашлось в беге, перед
глазами запрыгали
пятна. Ну это ж надо, так неудачно. Прямо физиономией – в чужую память.

Леона кое-как перемотала платок, старательно закрывая лицо. Хотя, что уж теперь.
Поймала на
свою голову. Дрянные сны обеспечены, до тех пор, пока все не рассыплется, не
просочится на дно
меморума.

Вздыхая и ругаясь про себя, она еще повисела в киселе, в материи меморума, а
затем дернула за
путеводную нить. Ее потащило назад сквозь мглу, и буквально через несколько
вздохов выплонуло
на влажную землю утоптанной площадки. Чувствительно так шмякнуло, что аж дыхание
вышибло
из легких.

Ну что ж такое-то? Надо было ту Феломену сразу выставить прочь. Уж как-нибудь
обошлась бы без
ее золота...

Леона посидела немного, переводя дух. Потом достала из сумки флягу, сделала
несколько
маленьких глотков. Неудачно как-то она сходила в этот раз...

И, словно напоминая о себе, пойманный лицом отпечаток моментально вприснул в
сознание толику
чужих воспоминаний.

Темный пустырь вдруг куда-то делся, и Леона вдруг увидела себя...
▲В подвале. Точно, она была в подвале. В воздухе плавал такой концентрированный
запах горелого
мяса, внутренностей и крови, что ее едва не вывернуло наизнанку. Ах, да. В руке
надушенный
платочек, так удобно закрывать им нос. Тогда ничего не чувствуешь. И вот это...
То, что раньше
было человеком у ног... а на его спине так и вообще отбитое мясо.

"Ты понимаешь, что меня нужно слушаться?" – спросила она, – "Иначе ты никогда не
увидишь

свою сестру живой".

Мясо у ног шевельнулось, дернулось, и Леона – или не Леона – увидела лицо, покрытое коркой засохшей крови. Мертвое практически лицо, жили только глаза, страшные, безумные, исполненные тьмы.

"Ты должен любить меня, и у тебя не должно возникать даже мыслей, которые мне не по нраву", – спокойно произнесла она.

И тут Леона не выдержала. Она, снова оказавшись на пустыре, попросту согнулась по полам и вывернула на землю все то, что было съедено у Златы. Пирожки. Кофе. Ее рвало так долго, что под конец она отплевывалась желчью, а внутренности все никак не хотели успокоиться. Потом она просто свалилась набок и, не выдержав, разрыдалась. Чертова Феломена с ее приказом. А теперь вот, изволь, Леона, смотреть вот это все. Ну это ж надо приключиться такому невезению?

Она еще долго, не меньше двух часов, сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, шмыгая носом. Содрала с головы платок и вытиралась уже им, плевать, что испачкался. А перед глазами – все то страшное лицо, дикие, совершенно жуткие глаза, наполненные тьмой и ненавистью. И вид ободранной спины... Что должен был сделать тот человек, что с ним сотворили такое? И кем должна быть обладательница того отпечатка, чтобы все это делать с живым человеком?

Ответов не было. Оставалось только надеяться, что это уйдет пораньше. Может быть, через недельку. А так – попить снотворного, чтобы ничего не снилось или, если и снилось, чтоб не помнилось.

Кое-как Леона поднялась на ноги, доковыляла до забора, подсвечивая фонариком. Сдвинула доску, вылезла на улицу. В последний миг она увидела, как к ней стремительно метнулась тень, разворачивая, впечатывая лицом в забор так, что доски заскрипели. Леона вскрикнула от боли, когда ей резко заломили руку за спину. Потом – короткая вспышка боли, что-то обожгло запястье, разлилось под кожей. И в тот же миг ее снова развернули, как куклу, горло прижали предплечьем, так, что еще чуть-чуть – хрящики захрустят...

И Леона в потемках разглядела бледный абрис лица напавшего.

▲ГЛАВА 2. Оборотень ее величества

– Почему ты не раздеваешься? Стесняешься?

Девушка развязно хихикнула.

Армана от этого тонкого и одновременно скрипучего смеха передернуло. Сидя на краю постели, он с силой провел пальцами по волосам. После вчерашней попойки голова неприятно гудела.

Прищурился на окно, залитое солнечным светом. Там, за стеклами, трепетала зеленая листва вперемешку с солнечными зайчиками. Тонкие, легкие как паутинка занавески совершенно не препятствовали тому, чтобы позднее утро просочилось в спальню, залило жарким золотом темную резную мебель, заиграло тысячью искр в позолоте на синих шелковых обоях, равнодушно осветило смятые простыни и рыжую девушку, вольготно раскинувшуюся в постели.

Самым забавным было то, что Арман понятия не имел, как ее зовут, и кто она. Служанка?

Куртизанка? Он попытался восстановить события вечера: после очередной аудиенции у королевы, где представлял отчет о текущем состоянии безопасности Ее Вечного Величества, Арман отправился побродить по городу. Завернул в ресторан с приятной вывеской. И там... да, там, меж столов, выступала танцовщица – высокая, гибкая, что веточка плакучей ивы. У той девушки были черные волосы, они волнами рассыпались по обнаженным плечам. И танцевала она что-то из репертуара древних кочевых племен... Арману показалось, что она до жути похожа на его сестру, только моложе. И такая тоска накатила, что он попросту напился, вдрызг. Набрался так, что даже не сразу сообразил, что пытается знакомиться с прехорошенькими девушками, одна из которых была огненно-рыжей...

Все-таки куртизанка, решил он. Значит, следовало заплатить и отправить восвояси, даже не спрашивая имени. Герцогу Саторийских земель, Арману Линто, вовсе не нужно знать, с какой девушкой кувырчался пол ночи.

– Ты не ответил, – напомнила о себе рыжая, – взрослый такой, а сорочку так и не снял...

Со всем этим надо было заканчивать. Он поднялся, потирая виски и все еще щурясь на яркий свет, открыл бюро и, достав из ящика несколько ассигнаций, вернулся и бросил их на смятые простыни.

– Одевайся и уходи.

– Эй, – девица приподнялась на локте, – не очень-то учтиво. Могу я хоть имя твое узнать,
стесняшка?

Арман рассматривал ее с исключительно академическим интересом, как разглядывал бы сквозь
увеличительное стекло занятого жучка.

– Арман Линто, герцог Саторийский, – назвался он, одновременно отмечая, что девица в его
постели несколько побледнела.

– Черти и проклятые Тени, – выдохнула она, – Оборотень.

Стремительно вскочила с кровати и принялась собирать разбросанную по полу одежду, время от
времени бросая в сторону Армана опасливые взгляды. А он, как был, в одной короткой сорочке,
уселся в кресло, положил ноги на бархатную банкетку, и наблюдал, как его дама торопливо
натягивает чулки, кое-как зашнуровывает корсет...

– Деньги не забудь, – процедил он ей в спину.

– А? – обернулась, тряхнула рыжей гривой, видимо даже не сразу сообразив, о чем речь.

Но затем вернулась к кровати, почему-то на цыпочках, сгребла купюры, и обратно уже пятилась,
словно боялась повернуться спиной.

Хлопнула дверь. Арман откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Иногда очень удобно,
когда тебя боятся. Ее Величество умело использует своего верного оборотня, чтобы дрожали
остальные. Только вот мало кто знает, что точно так же дрожит сам Арман перед королевой, потому
что она – единственное звено, связующее его с сестрой. Да-да, так похожей на него, черноволосой,
которую он и видеть-то может исключительно через магвизор. И никто, никто – ни во дворце, ни на
королевском ярусе не знает, где на самом деле Витта. Знает только королева. Сам Арман как-то
попытался разузнать, и с тех пор никогда не раздевается при посторонних...

Сидеть с закрытыми глазами было приятно, но что-то стукнуло в стекло, затем еще раз, и еще... Он
поднялся, раздернул занавески: в окно бился крошечный плантос, выращенный в виде шмеля. Под
ребрами кольнуло нехорошее предчувствие: такие маленькие плантосы разносили секретные
депешки. И, если кто-то прислал плантоса самому Арману Линто, дела плохи.
▲Он дернул щеколду, распахивая окно, и плантос – теплый, шершавый, с прозрачными крылышками, тут же плюхнулся в раскрытую ладонь. К брюшку его, свитому из

тончайших зеленых
ростков, в самом деле была прикреплена узкая полоса бумаги, свернутая в
трубочку. Арман поддел
ногтем зажим, извлек послание, а затем, посадив плантоса на бюро, прочел:

"Срочно во дворец. Чрезвычайная ситуация. Меркл".

Предчувствие уже не просто колело. Оно разливалось душным маревом по спальне,
сдавливало
горло. Да что там такого приключилось? И почему плантоса послал смотритель
Оракула, а не
королева? Ведь только королева отдает указания своему первому советнику...

Выругавшись, Арман подергал шнур для вызова прислуги, а сам принялся торопливо
натягивать
нижнее белье. Через несколько минут явилась служанка, а с ней – его личный
секретарь,
почтенный льесс Брант.

– Мири, принеси мне свежую рубашку. И мундир. Во дворец полечу, – Арман сыпал
указаниями,
почти не думая, – Брант, принеси мне модификаторы... мм... даже не знаю. Менталиста?
И
прикажи, чтоб разбудили Рекко.

Брант был степенным мужем весьма зрелого возраста, лысоватым, седоватым, с
небольшим пузцом,
но в целом – совершенно незапоминающейся внешности. Он и бровью не повел, глядя
на
растрепанного и взъерошенного начальника. Арман иногда подозревал, что льесс
Брант не
изменился бы в лице, даже если он, Арман, голым бы сплясал на столе.

– Что-то произошло, льесс? – только и спросил секретарь.

– Я не знаю, Меркл вызывает во дворец, – Арман пожал плечами, – что там могло
произойти?

– Модификаторы менталиста, все понял, – бесстрастно повторил Брант, – сейчас
будут, льесс.

А Мири уже несла и черный мундир с тройным золотым шнуром, и белоснежную
сорочку, и
шелковый шейный платок, и высокие сапоги. Пока Арман облачался, вернулся Брант,
неся на
расписном подносике стакан воды и несколько маленьких, с ноготь мизинца,
ярко-зеленых пилюль.
Арман сгреб их, сунул в рот, не глядя, запил водой. Мысленно досчитал до десяти:
в этот миг
комната дернулась, слегка накренилась, а потом снова заняла исходную позицию.

"Ну, вот ты и менталист", – горько подумал Арман.

Королева ценила его за то, что он был оборотнем, то есть – под воздействием

модификаторов мог реализовать практически любой магический дар. Вот и получалось, что, имея свой собственный дар – дар Жизни – Арман был, как говорится, на все руки мастером и полностью во власти королевы.

И – да. Та попытка узнать, где находится сестра, с треском провалилась только потому, что королева сама была сильнейшим менталистом, и вовремя смогла считать намерения самого Армана, когда тот собирался принять модификаторы и порыться в голове у самой королевы. После той дивной ночи он больше никогда... ничего такого... Ее Величество умела ломать людей. И заставить себя любить тоже умела.

Вниз он уже бежал, перепрыгивая через ступеньки. В холле свернул к черному ходу, миновал узкий коридор и, распахнув двери, вывалился в благоуханный сад. Глубоко вдохнул свежего ветра, напоенного ароматами цветов, и поспешил дальше, по широкой, отсыпанной желтым ракушечником дорожке. Рекко уже выводили из стойла, он рыл острым копытом землю и, распахнув крылья с прозрачными перепонками, разминал их, ненароком стряхивая с ближайшей акации листву. Несмотря на общую нервозность ситуации, Арман с удовольствием отметил, как за ночь Рекко позеленел, весь оброс крошечными изумрудными листочками. Только вчера был шершавый, тонкие прутики глянцево блестели на солнце, а за ночь шкурой оброс. Это было хорошо: значит, плантосу всего хватало – и магии, которой он питался от хозяина, и солнца, и воды, и чернозема, который насыпали в стойло и использовали как подстилку.

Арман подхватил поводья, взлетел в седло. И, не удержавшись, погладил зеленую шкуру своего плантоса: крошечные листочки были мягкими, прохладными и даже немножко липкими. Такими, какими они бывают по весне...

Почувствовав прикосновение сознания плантоса, Арман отдал мысленную команду, и Рекко взял с места в галоп – к услужливо распахивающимся воротам.

Стоило шагнуть под своды дворца, как невидимое, но почти осязаемое напряжение схватило Армана в плотный кокон. Слишком здесь было тихо. Слишком пусто. И чересчур много гвардейцев у всех входов и выходов. Арману даже преградили путь, какой-то совсем молоденький парнишка, но на него тут же шикнул старший напарник, и Арман-таки прошел дальше, сквозь анфиладу залов,

одновременно прикидывая, где искать старого Меркла, главного механика Оракула и его
▲бессменного зрителя.

– Льесс Линто, – его окликнули со спины.

Арман остановился, окинул взглядом запыхавшегося и почему-то бледного второго советника Ее Величества. Да что такого приключилось? Мар Сильен так гордился идеальной укладкой седоватых кудрей, безупречно повязанным галстуком... А сейчас растрепан, космы на глаза падают, весь потный.

– Льесс Линто, – Сильен подбежал, топоча кожаными каблуками по паркету, – льесс... Идемте, скорее. Меркл ждет. Надо что-то делать, пока новость не разлетелась за пределы дворца.

– Да что случилось-то? – и тут Арман пожалел, что модификаторы он принял, а вот никаких вспомогательных средств менталиста не прихватил. Тогда не нужно было задавать вопросов, влез бы в голову Сильену – и готово.

В этот миг второй советник что есть сил вцепился в предплечье, приподнялся на цыпочки и шепнул Арману на ухо:

– Ее Величество умерла.

Прежде Арман даже предположить не мог, что три столь простых слова вызовут самый настоящий взрыв чистой детской радости в груди. Ха. Старая паучиха сдохла. Туда ей и дорога...

И тут же одернул себя.

Новая-то будет такой же.

Разве что менталистом не будет, потому что отпечаток – это всего лишь память. А вот наличие Дара – это уже особенность той куколки, которую выберет Оракул.

– И что? – спросил он Сильена, глянув в его блеклые, чуть навывкате, глазки, – она была немолода. Можно подумать, в первый раз...

– Идемте, – мрачно проскрипел советник и потянул Армана дальше.

На ходу тихо пояснял:

– Видите ли, льесс Линто, разумеется, все это не в первый раз, и мы-то с вами уверены, что Вечная

королева – залог благоденствия этих несчастных расколотых и расслоившихся земель... Уверены, что Оракул, как и встарь, подхватит отпечаток королевы и будет его хранить до тех пор, пока не будет вычищена выбранная им куколка. Оракул, вот наше слабое звено. Мы привыкли думать, что система из Оракула, королевы и куколок – непогрешима и устойчива, и что ничего дурного не случится. Но вот беда-то...

Арман резко выдернул руку, прошипел:

– Что за бред вы несете? Ну да, куколки, Оракул выбирает королеву... вернее, тело, которое он же вычистит и начинит королевским отпечатком. Не в первый раз, так?

– Оракула сломали, – свистящим шепотом сообщил Сильен, – а королеву – убили.

– Твою мать, – выдохнул Арман. Иных выражений на ум не пришло.

Он на миг закрыл глаза. Ему просто необходимо было вот так, молча, разобраться в себе. С одной стороны, он и помыслить не мог о том, что когда-нибудь старая гадина сдохнет окончательно. С другой стороны – и тут он вспомнил. Вспомнил, как королева смотрела на него темными запавшими глазами, улыбалась, демонстрируя отсутствие передних зубов. Поэтому она не говорила – шипела, словно змея.

"Помни, мальчик. Я – единственное, что связывает тебя с сестрой. Не станет меня – через десять дней не станет и ее. Так что в твоих интересах меня любить, так сильно, как мог бы любить свою матушку. Нет, пожалуй, даже больше... Сыновья уходят от матерей, ты же останешься со мной навсегда".

– Твою ж... – растерянно повторил Арман.

Королеву убили. Оракула сломали. Цепь перерождений прервалась. И его несчастная Витта...

Значило ли это, что ей осталось жизни десять дней?

– Проклятая сука, – в сердцах выдохнул он.

▲— Что, простите?

И опомнился. Он все-таки был во дворце, рядом – второй советник, вокруг – гвардейцы. Никто не знает, что королева держала Оборотня на коротком поводке, никто не знал, что все те ужасные вещи, что ему приписывали, он делал только чтобы вновь увидеть сестру живой сквозь мутноватую линзу магвизора. Даже умереть он не мог, потому что тогда Витту тоже бы убили. А

теперь... что
делать?

– Ничего, – буркнул сердито, – идемте. Где там Меркл?

– Сперва в спальню ее величества, – быстро проговорил Сильен и снова вцепился в предплечье как клещами.

У Армана возникло чувство сродни тому, что может ощущать человек, шагающий с обрыва. Есть, конечно, мизерный шанс как-то уцелеть, если удачно нырнешь в воду. А можно и просто разбиться.

В спальне повис тяжелый запах крови. Шторы были раздернуты, свет заливал место преступления.

Еще только шагнув через порог, Арман заметил торчащие из-за угла кровати тощие белые ступни, все в синих прожилках. Вечная королева лежала на полу, как самая обычная смертная. Судя по всему, она как раз готовилась ко сну, ее переодели в длинную кружевную сорочку, которая саваном обернула сухое старушечье тело. Потом... Хранительница Ночной Сорочки Королевы вышла прочь... или не вышла. Наверное, кто-то зашел... И вот результат: королева на полу, навсегда сжала пальцами торчащий из-под ребер нож. Восковое лицо застыло в вечном покое, чепец сбился, седые волосы рассыпались по мрамору. И кровь, много крови. Арман склонился над телом: били умело, под грудь – и вверх. Лезвие пропоролло аорту. Замечательно.

– Страшно не это, – прозудел рядом Сильен, – страшно то, что Оракул поврежден. Льесс Меркл уже приступил к работе, но там... знаете, изрядная поломка. Магические потоки искривлены, надо срочно изготовить новые детали... И отпечаток, отпечаток королевы. Он ушел в меморум.

– Прекрасно, – Арман покачал головой, – так найдите и отправьте некроманта...

И запнулся.

Никому нельзя говорить. Никто не должен знать, что нарушен столь привычный ход вещей. Потому что тут же появятся претенденты на престол... У королевы не было детей, ну так желающих урвать корону будет предостаточно и из аристократии. А что это значит? Распри. Война. Нарушение и без того хрупкого равновесия мира. И нет шансов у Витты.

– Нам ведь... нельзя, чтобы война, да? – уточнил он на всякий случай.

– Предыдущая война с участием магов стоила нам расслоенного мира. И, как

известно,
масштабное применение магии только стряхивает ярусы в Тень, – тихо ответил
Сильен, – Меркл
говорит, что вы...

Арман кивнул. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, куда ведет
льесс второй
советник. Все знают, что Арман – оборотень. И точно так же все приближенные к
королеве знают,
что Арман будет молчать, ведь благоденствие самого Армана тоже зависит от жизни
королевы.
Новый король первым делом отправит оборотня на плаху, потому что Арман Линто –
слишком
силен и слишком опасен. Держать такого в узде могла только Ее Вечное Величество.
Но это ведь...
то, что знают все. На самом деле это далеко от правды.

– Я понял, – он еще раз посмотрел в ненавистное, застывшее навеки лицо.

Наверное, королева не боялась умирать. Она знала о том, что очень скоро откроет
глаза уже в
новом теле. Но надо же... Не задалось.

Когда Арман был маленьким, то ему, как единственному наследнику герцогства
Саторийского,
дозволялось бывать во дворце под присмотром мэтра Дальвоса, которого Ее
Величество назначило в
опекуну сироте. Позже, правда, Арман слышал, что само герцогство Саторийское
появилось
недавно, и вроде бы Вечная королева подарила его своей невесть откуда взявшейся
подруге,
которая родила – и тут же умерла, оставив чудных двойняшек, девочку и мальчика.
Собственно, не
было ничего странного в этой истории, кроме одного: это как нужно было не любить
свою подругу,
чтобы так поступить с ее детьми? Не любить, наверное, очень сильно, но при этом
подарить
герцогство. Арману показывали портрет его матери: голубоглазая блондинка с
нежной светлой
кожей, розовыми губами сердечком и вздернутым носиком. Он совершенно не был
похож на мать,
черноволосый, с темно-серыми глазами. Мать звали Лаварис, и никто толком так и
не смог
объяснить, откуда она взялась. Королева знала. Но ничего рассказывать не желала.
Единственное,
пожалуй, что она делала с самого детства – показывала Арману его сестру через
магвизор. Сперва
это была чернявая девчушка в платье с пышными рюшами, затем – красивая девушка,
еще позже
– цветущая женщина. Витта всегда выглядела так хорошо, что никто бы и не
заподозрил, что она –
♣заложница. Арман же с детства знал, что здоровье и жизнь его сестры полностью в
его руках. Уж об
этом ему втолковывали постоянно, день за днем.

Так вот. Когда Арман был маленьким, он часто убегал от мэтра Дальвоса и прятался в каком-нибудь уголке дворца. А почтенный мэтр, убеленный сединами, мог часами бродить, разыскивая сорванца.

И однажды так случилось, что будущий герцог Саторийский забрался в особенно тихое крыло дворца, на второй этаж. Он остановился перед арочным проемом в стене, с любопытством заглядывая внутрь: а внутри было странное, никогда ранее не виданное. Оно было похоже на огромное, больше человека, яйцо из ярко блестящей меди. Яйцо было не гладким: со всех сторон его оплетали тонкие медные трубочки, где-то переплетаясь, где-то закручиваясь завитками. Трубочки тянулись как будто широким поясом, оставляя гладкими макушку и основание этого странного яйца, и выглядело все это настолько необычно и интересно, что Арман, не раздумывая особо, решил подойти поближе. Казалось, в комнате было пусто, дверь в соседнее помещение была прикрыта. И Арман с непосредственностью восьмилетнего мальчика двинулся вперед, намереваясь как следует осмотреть и ощупать странное яйцо. Которое, в свою очередь, словно почувало присутствие человека: плетение медных трубочек изменилось, они вмиг сделались мягкими, начали расходиться в стороны, освобождая гладкую блестящую поверхность, и в мыслях Армана отчетливо прозвучало: прикоснись...

Он лишь успел протянуть руку, почти дотронулся, но ровно в этот миг что-то резко дернуло его назад, да так, что он опрокинулся на пол. Над ним склонился немолодой мужчина с пышными рыжими бакенбардами, в сюртуке мышастого цвета.

– Откуда вы здесь взялись, молодой человек? Разве вы не знаете, что к Оракулу нельзя прикасаться голыми руками?

Совершенно растерявшись, Арман только и мог, что промямлить:

– А что будет?

– Оракул выпьет тебя, как росянка комара, – весело сообщил рыжий.

Тогда Арман еще не знал, что случается с комаром, попавшим меж створок росянки, но основную мысль понял верно. Блестящее медное яйцо убивало.

Потом... он стал намеренно приходить к мастеру Мерклу, главному механику королевы, смотрителю Оракула, и именно Меркл рассказал ему, как было дело.

Когда-то одному правителю пришла в голову дивная мысль, что управлять своими землями гораздо лучше будет тот, кто уже делал это на протяжении долгих лет. Но вот беда: люди не вечны. Да и с возрастом тело дряхлеет, ум слабеет. Правитель был не дурак, призвал лучших некромантов, и они разработали интересную систему: был король, и было обязательно несколько живых и здоровых тел, готовых принять его память, их называли куколками. Стоило правителю умереть, как некроманты ловили его отпечаток, вычищали куколку и пересаживали в нее отпечаток монарха. Но поскольку куколок было несколько, был еще и некромант-оракул, указывающий на тело, которое, по его мнению, лучше всего будет носить память короля. Вот так правление и продолжалось ровно столько, сколько осуществлялась процедура. Многие так делали. Потом... была магическая война. Цепи перерождений прерывались. Порой было сложно найти некромантов должной квалификации... В общем, все кончилось тем, что Вечная королева – которая к тому моменту еще и не была вечной – собрала у себя лучших некромантов и механиков, и они сообща породили Оракула, который совместил в себе не только процедуру выбора куколки, но и, собственно, процедуру пересадки. Отныне, когда умирал правитель, Оракул втягивал в себя его отпечаток, забирая нужную куколку и, выпивая ее память, засовывал в нее монарший отпечаток.

Удобно и надежно.

Еще ни разу не было сбоя.

Королева, при которой соорудили Оракула, в самом деле обрела бессмертие.

Но вот, где-то что-то не срослось в этой дивной схеме – и теперь над всеми ярусами королевства нависла опасность новой войны. Особенно, если соседи узнают о том, что место на троне пока свободно. А над несчастной Виттой простерлась тень смерти. Последнее, пожалуй, беспокоило Армана куда больше, чем угроза войны.

...Он застал Меркла, когда тот, кряхтя, ползал на коленях вокруг начищенного до блеска Оракула. Годы уж не те, чтобы так изгибаться. Из рыжего Меркл сделался совершенно белым, что снег. Но сморщенные руки не утратили точности, вот и сейчас он уверенно паял разорванные трубочки, нагревая шуп паяльника на горелке, сооруженной пиромантом.

– А-а, вот и ты, мой мальчик, – Меркл поднял голову, поправил перекосившиеся очки с толстыми

▲линзами, из-за которых его выцветшие от старости глаза казались совсем маленькими.

Сильен хмыкнул за спиной, но, стоило на него оглянуться, тут же сделал вид, что внимательно осматривает пострадавший артефакт.

– Ты не запер комнату с Оракулом? – спросил Арман у Меркла.

Тот завозился на полу, затем, быстро сунув руку в рукавицу, оперся о медный бок Оракула и медленно поднялся на ноги. Белые и легкие, словно пух, волосы торчали венцом во все стороны. И Меркл так и не отложил паяльник, так и держал его с раскаленным щупом, на котором пузырился прозрачный припой.

– Как же, запер, – Меркл покачал головой, – сам не знаю, как это случилось. Ты ж должен понимать, что поле замкнуто на меня и Ее Величество, то есть... Никто больше не мог войти. Разве что во дворце завелся маг-зеркальник, который ухитрился меня скопировать. Или, наконец, кто-то купил зеркалящий артефакт, и все равно меня скопировал. Ну и вот. Видишь, как все вышло.

И ткнул паяльником в Оракула. Арман вздохнул: кто-то от души поковырялся в тонко настроенном артефакте кочергой. Раздавил, а кое-где разорвал трубочки, которые были проводниками магических полей.

– Ты это можешь исправить? – спросил Арман у старика.

Меркл энергично закивал.

– Да, конечно. Пару дней работы, и все будет как новенькое.

– Мы тело королевы приведем в порядок... пока что, – встрял Сильен, – не нужно, чтобы знали... Вы не представляете, что тут начнется. Надо, чтоб все думали – все в порядке, по-прежнему, отпечаток – внутри Оракула.

– А что у нас с формальной стороной вопроса? – впрочем, Арман и сам знал ответ. Хотелось услышать его от кого-то еще, чтобы быть уверенным в собственных предположениях.

– Формально, – Сильен вздохнул, глянул выразительно, – формально Оракул выбирает королеву. Это прописано в законе о наследовании. Или дети могут наследовать... которых, как мы знаем, у нее никогда не было.

– А что, если кто-то успеет найти отпечаток? Некромантов, которые плавают в меморуме, никто не отменял.

– Еще раз повторюсь, – в голосе Сильена сквозило раздражение, – либо кто-то из детей королевы, либо избранная Оракулом. Иных не предусмотрено. Все остальное будет бунтом, восстанием, незаконным захватом власти. И вот это последнее, как вы понимаете, нам совершенно не нужно.

– Понятно, – Арман задумчиво почесал щеку, – я просто пытаюсь рассматривать все возможные варианты развития событий. А теоретически... Оракул может извлечь отпечаток королевы из другого человека?

– Может, – незамедлительно ответил Меркл, – Оракул настроен на принятие отпечатка Ее Величества. При этом, к сожалению, промежуточный носитель вряд ли выживет... Оракул не церемонится тем, что, в соответствии с его настройками, уже должно быть мертво. В общем, льессы, нам осталось решить, нужна ли нам старая королева, – очень тихо добавил Меркл.

– Нам не нужны дразги, междоусобицы и войны, – уверенно ответил Арман.

А сам подумал, что, если бы не его сестра... То он бы, пожалуй, сделал вид, что ему нет никакого дела до происходящих событий. Уехал бы отдыхать на соседний ярус. Или, быть может, и вовсе исчез. Пусть себе делают, что хотят. Вряд ли бы дело дошло до масштабных магических схваток.

– Ну, раз так... – Меркл развел руками, – тогда надо действовать. Я почию Оракула. Ты, Арман, можешь найти отпечаток, ты же знаешь, как ходить в меморум. А вы, Сильен, можете сделать так, чтобы куколки не разбежались... И чтобы никто ничего лишнего не узнал. Пусть все будет так, как будто она сама умерла и как будто Оракул полностью готов к работе.

Сильен энергично потер ладони.

– Так и сделаем. Меркл, работайте, на вас вся надежда. А я побегу, а то в самом деле расползется слух... И тогда не миновать больших неприятностей.

Он коротко обозначил поклон и устремился к выходу. Арман дернулся было следом, но Меркл неожиданно цепко ухватил за локоть.

▲– Погоди.

С возрастом Меркл стал ниже, и теперь смотрел на Армана, задирая голову.

– Что?

– Знаешь, ты мог бы стать новым королем, – вдруг сказал механик. И, помолчав, добавил, – особенно, если никто и никогда не поймает отпечаток королевы.

Арман усмехнулся.

Он? Королем?

Пожалуй, у него бы хватило зубов, чтобы перегрызть всех конкурентов. В конце концов, ему лично подчиняется первый и второй магические полки. Но если положить на одну чашу весов корону, а на другую – жизнь сестры, что он выберет? То же, что всегда выбирал. Витту. Может быть, если королева оживет вновь, он сможет выторговать свободу для сестры?

– Это невозможно, дружище, – сказал он и освободил руку из пальцев механика.

– Это более, чем возможно, потому что... – и тут Меркла одолел такой кашель, что он покраснел, согнулся пополам. Охнув, Арман подхватил меркла под руки, повел к табуретке.

– Меркл, Меркл... что это на тебя напало? Тебе Оракула чинить... Ну, все, все. Все хорошо. Отдышался?

Оставив растрепанного, но уже спокойно дышащего Меркла сидеть, Арман все же двинулся к выходу. Немного больно наблюдать, как стареет и все больше сдает человек, которого знаешь с детства. Но ничего не поделаешь, такова жизнь...

Он усилием воли выбросил все эти мысли из головы. Сейчас нужно было думать о другом, совсем о другом... И Арман направился в крыло, где держали куколок королевы. Все же с ними нужно было поговорить, потому что поломанный Оракул и убитая королева не могут быть простым совпадением. И вот эта мысль насчет мага-зеркальщика... Откуда бы ему взяться, уже столько лет не рождалось в пределах королевского яруса. А еще было бы недурственно допросить Хранительницу Ночной Сорочки. Хорошо, что он наглотался нужных модификаторов.

У куколок не было имен. Первая куколка, Вторая, Третья и Четвертая. Как-то очень скромно для Вечной Королевы. Бывали периоды правления, когда число куколок доходило до двадцати, а нынче – вероятно, Ее Величество была слишком занята вопросами правления, чтобы сгонять во дворец красавиц со всех ярусов и выбирать лучших из лучших.

Арман собрал их в небольшой гостиной с лимонными шелковыми обоями и мебелью из ореха. Сам сидел за письменным столом, а куколок гвардейцы рассадили по стульям. Несколько минут он молча их рассматривал: молодые и очень красивые девушки, каждая чуть старше восемнадцати (королева искренне верила, что именно в этом возрасте становится ясно, насколько здорово тело, которое может быть выбрано Оракулом). Две блондинки, одна темная шатенка, одна с редким оттенком волос, цвета гречишного меда. Одеты они были богато, как и положено сосудам, ожидающим королевский отпечаток. Сидели совершенно спокойно, но чуть напряженно: ни одной из них не сообщили о смерти королевы, но каждая из них знала, что про Армана Линто ходят очень нехорошие слухи, и большая часть из них – не просто слухи.

Арман из кусочков горного хрусталя выстраивал на столешнице сложную пирамиду. В основании – правильный пятиугольник, который пришлось для верности разметить грифелем прямо по дереву. И каждый новый слой уже и уже, сходится к вершине, на которой нужно разместить идеально прозрачный хрустальный же шар на проволочной подставке. Арман старался изо всех сил, чтоб рука не дрогнула, и в душе ругал магию менталистов. Он-то несколько раз хрустальную пирамидку выстроил и уже недоволен, а маги высокого уровня, между прочим, всю жизнь только этим и занимаются. В висках неприятно покалывало. Ментальная магия плохо сочеталась с его родной магией жизни, но – это цветочки. Позже ему придется на время стать некромантом, и это будет еще хуже. Магия Жизни и Смерти слишком отличны друг от друга, и для дара жизни почти невозможно преобразоваться – даже под воздействием модификаторов – в дар смерти.

Наконец пирамидка была достроена, шар водружен на место, и Арман еще раз окинул взглядом притихших куколок. Блондиночки смотрели на него испуганно, шатенка – сердито. И лишь обладательница медовой гривы буквально лучилась наигранным безразличием.

Арман сложил руки лодочкой, словно зачерпнул воды, занес их над хрустальным шаром – затем "выплеснул" на него порцию силы. От шара мгновенно потянулись к куколкам искрящиеся серебристые нити, которые видел только Арман, хищно обвилились вокруг точеных шеек, ужалили куда-то под затылком. Шатенка в этот миг дернулась, словно почувствовала... Что ж, быть может, она – слабенький менталист, и поэтому ощущает прикосновение своей магии. Три

прочие куколки
не шелохнулись, таращась на Армана.

– Итак, – он откашлялся, – сейчас я буду задавать вам вопросы, уважаемые льессы, а вы будете отвечать.

Все четыре кивнули как по команде. Королева хорошо их выдрессировала.

– Кто из вас – первая куколка королевы?

Арман простер руку над шаром, и оттуда, из прозрачной глубины, к его ладони устремились концы нитей. Он невольно поморщился, когда тонкие жала впились в центр ладони, в очередной раз подумал о том, как погано быть менталистом. Всего лишь допрос этих девиц. А потом задушевная беседа с Хранительницей Ночной Сорочки. Почему он разделил их? Арман и сам не знал. Но ему казалось, что со служанкой можно не церемониться. А вот куколкам вредить нельзя: все же кто-то из них примет память Вечной Королевы...

– Это я, – сказала шатенка, – я первая.

– Чем вы занимались вечером накануне? Отвечайте быстро.

– Вышивала, – ответила девушка, – но, быть может, вы все же скажете нам, что происходит?

Арман покосился на нить, которая подрагивала. Она не изменила расцветки, девушка говорила правду и при этом была совершенно спокойна. Ну, разве что побаивалась самого герцога Саторийского.

– Все узнаете в свое время, – ответил Арман, – я буду задавать вам вопросы, а вы – отвечать.

И он задавал. Разные, самые разные, на которых можно было поймать на лжи. Правда, старательно избегая прямого вопроса – это вы убили королеву и поломали Оракула? Об убийстве пока следовало помалкивать. И ни разу нить не изменила расцветки.

...Четвертая куколка оказалась той самой, с медовыми волосами, с нежным личиком и ореховыми глазами. Нет, все четыре девушки были красивыми, но вот эта, четвертая... Арман поймал себя на том, что кого-то она ему напоминает – а кого – он не может сказать. Странное, мимолетное ощущение, словно касание тополиного пуха. Он хмуро оглядел куколку, она ответила ему презрительным взглядом.

– Я в чем-то виноват перед вами? – спокойно спросил Арман, наблюдая за нитью.

– Не люблю цепных псов, – девица гордо вздернула подбородок.

А нить окрасилась розовым. Арман припомнил, что менталисты подобное явление трактуют как признак гнева или лжи. Поди разберись...

– Каждый из нас на своей привязи, – Арман пожал плечами, – и я, и вы.

– Но вы... То, что говорят...

– Что вы делали вечером? – вот так, не давая ей сообразить.

– Читала.

Нить как была розовой, так и осталась.

– Это у вас зеркалящий артефакт? – задал еще вопрос.

– А что это? – искренне удивилась куколка.

Протянувшаяся к ней нить снова стала серебристой. Арман вздохнул. Невозможно, будучи оборотнем, разбираться в тонкостях всех видов магии. Он хорошо знал и мог реализовать только базовые заклятья. И ведь никого со стороны не привлечешь к такому деликатному делу.

– Так что все-таки происходит? – вновь спросила Четвертая, – почему утром нас не пустили приветствовать Ее Величество?

– Ее Величество занемогла, – нехотя ответил Арман, – в скором времени одна из вас удостоится чести принять ее память.

– Так бы сразу и сказали, – мрачно пробурчала одна из блондинок, – тогда нам нужно привести себя в порядок. Верно, девочки?
▲Все согласились. Разумеется, Оракул выбирает королеву, но королевское-то тело должно быть идеальным. Арману на миг показалось, что он попал в компанию умалишенных – либо уже вычищенных Оракулом куколок. На пороге, считай, смерти собственного "я" они с увлечением рассуждали о том, какие косметические процедуры следует принять в ближайшее время. Девушка с медовыми волосами вдруг посмотрела прямо на него, отвлеклась от интереснейшей беседы.

– Нас готовили с раннего детства к чести стать новой королевой. Возможно, уже завтра вы, герцог,

будете преклонять колена передо мной.

"Сомнительная честь, отдать свое тело в качестве сосуда для чужих воспоминаний",
– подумал

Арман, – "но то, чему учат с детства, укореняется просто идеально".

Серебряные нити дрожали, входя в его ладонь, и Арман понимал, то ничего лучшего из куколок уже не вытянет. Вот королева... Она была настолько хорошим менталистом, что могла влезать в мозги даже не пользуясь дополнительными построениями вроде этой хрустальной пирамидки. А он – не мог. И в этом вся беда. Он задал куколкам довольно вопросов, ни одна из них вроде бы не солгала. Следовательно, ни одна из них не могла убить королеву. Но тогда кто? И будет ли этот "кто-то" угрожать новой королеве?

Он устало откинулся на спинку стула, отпустил магию – и нити со свистом втянулись в шар. Руку прострелило болью до локтя, Арман уставился на каплю крови, выступившую из середины ладони. Однако... Такого раньше не случалось.

– Ой, у вас кровь на руке, – пролепетала блондиночка.

Арман молча достал из кармана платок и зажал ранку. В душе поднималось раздражение: потерял два часа, результата нет. Ему не допрашивать куколок надо, а бегом бежать в меморум, искать отпечаток старой гадюки. Но, но... еще надо бы побеседовать с Хранительницей Сорочки.

А с ней все оказалось гораздо, гораздо проще.

Когда куколок наконец увели, привели дородную льессу с высокой прической. Она плакала, постоянно сморкалась в кружевной платочек и шумно дышала.

– Ох, да как же это? Льесс, как же так? Я ж ее передела, королеву-то нашу, и в постельку уложила, и одеялом укрыла... Да кто ж посмел-то? А утром зашла, а Ее Величество лежат... на полу...

Арман мысленно поблагодарил Сильена за то, что все это время сия льесса просидела взаперти. Потому что иначе даже за пределами дворца все бы уже знали о происшедшем. А еще в ближайшее время предстояло разбираться с придворными, которые вот-вот начнут собираться, с многочисленными министрами... Оставалось надеяться на Сильена, на его умение выкручиваться из самых неприятных ситуаций.

– На вас будет наложено заклятье молчания, – нехотя сообщил Арман вздыхающей тетке, – до этого вам придется пробыть во временном заключении.

– А отпустить меня нельзя? – Хранительница побледнела.

– Нет. А теперь рассказывайте. И лучше правду.

И снова активировал хрустальный шар.

Собственно, в повествовании этой льессы не было ровным счетом ничего интересного. Вечером она королеву уложила в постель, а утром зашла – а королева с кинжалом в груди. И, конечно же, охрана ничего не видела и не слышала, но ведь всем известно, что дворец пронизан потайными ходами – а значит, убийца мог пробраться в спальню королевы совершенно незамеченным...

И говорила она, судя по всему, как было.

Спустя еще час Арман уже направлялся к выходу из дворца, но, гонимый вполне обоснованными опасениями, заглянул в рабочий кабинет королевы. Выдохнул с облегчением, увидев магвизор на привычном месте. Толстая линза в медной раме была темной и безжизненной. Арман подошел к столу, поднял магвизор – сердце замерло в дурном предчувствии... Но нет, магвизор включился. Он всегда включался, реагируя на прикосновения Армана.

– Ну, давай, давай же, – прошептал он.

Тьма под линзой медленно рассеивалась, там словно поселилась крошечная звездочка, которая все росла и росла, до тех пор, пока яркий дневной свет не затопил всю поверхность магвизора. В молочном свете... как будто клубился туман. И из него, прямо к Арману, вышла Витта. ▲Сложно было разглядеть, где она находится. Кажется, в какой-то комнате, были видны деревянные панели на стенах. Арман смотрел на удивленное лицо Витты – и поражался, каждый раз поражался, насколько они похожи. Те же черные волосы, только у Витты они заплетены в косы и уложены в сложную прическу, те же высокие скулы, те же темные глаза. Брови с изломом. И еще у Витты подбородок тяжеловат для женского, волевой такой. Пухлые губы сомкнуты...

– Витта, – позвал он, даже не надеясь, что та услышит.

Она и не услышала. Никогда не слышала. Захлопала ресницами, заглядывая в лицо Арману. Что-то удивленно спросила. И, так и не дождавшись ответа, медленно пошла прочь, снова

утопая в
клубящемся тумане...

Арман медленно положил магвизор на стол и вздохнул. Значит, пока жива. Испытал внезапное желание сходить в храм Вседержителя и помолиться за сестру, но вовремя оборвал себя: храм – для простых людей. Магов там не шибко привечали.

Сколько еще отпущено Витте? Немногим меньше десяти дней, если верить королеве.

Витту нужно было спасать. А для этого придется спасти Ее Вечное Величество. Оглядевшись, Арман взял со стола томик стихов, вынул закладку и сунул в карман. Затем на всякий случай прихватил еще и оставленный в рассеянности веер, и с этой добычей двинулся прочь из кабинета.

Он вернулся в особняк до полудня, оставил Рекко на руках у слуги, приказав отвести плантоса в сад – чтобы побродил по пруду, напиваясь водой, чтобы подставлял округлые, заросшие глянцевыми листочками бока яркому солнцу. Арман даже немного позавидовал Рекко: вот жизнь-то, пей водичку, ешь магию и наслаждайся солнечным теплом. Ни забот, ни хлопот.

Его же, уже на входе, поджидал секретарь. У Армана сложилось впечатление, что давно поджидал, стоял у самых дверей, переминаясь с ноги на ногу, коротко поклонился Арману с совершенно нечитаемым выражением лица.

– Могу я узнать, льесс, что все-таки произошло?

Арман вовремя прикусил язык, ведь чуть не ляпнул, что королеву убили. Он так привык доверять своему секретарю, что теперь было странно и непривычно скрывать происшедшее.

– Королева скончалась, – ответил он сухо.

Лицо Бранта скорбно вытянулось, он подкатил глаза.

– Да примет ее новое тело.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://feisovet.ru/магазин/Оракул-выбирает-королеву-Оливия-Штерн>